

ВОЙНА, ОБНАЖИВШАЯ ДУШИ

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД, 15 ФЕВРАЛЯ 1989 ГОДА,
ПОСЛЕДНИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК ПОКИНУЛИ АФГАНИСТАН

Война, скажет любой философ, – самое противоестественное состояние человеческого общества. Уничтожение себе подобных, разрушение материальных и духовных ценностей, созданных целыми поколениями, не может считаться нормальным для человека, сотворенного по образу и подобию Божьему. Homo sapiens – творец, а не разрушитель. Но... Война, скажет любой историк, – самое естественное состояние человеческого общества. Вся история человечества – история войн: за территорию, за влияние, за обладание богатствами и ресурсами. Стремление стать сильнее – это продолжение процесса эволюции, и именно в войнах человечество набирает мощь и творческую энергию. Не знаю, кто прав...

Я только слушал, что говорили люди, побывавшие на афганской войне. И то, что происходило «за речкой», каждый из них называл ситуацией экстремальной. Война – это и смерть, и грязь, и высота духа, и предательство, и подлость, и страх, и вера... Война – это обострение всех чувств, обнажение души и сильнейшее испытание. Не случайно многие люди, обожженные войной, становились творцами. И не только великими писателями или художниками, но и знаменитыми артистами, учеными, архитекторами, талантливыми руководителями... Там, на войне, они заглядывали в самую бездну, и небо после этого становилось для них ближе. Я встретился с тремя ветеранами афганской войны. Они – коллеги и в чем-то похожи друг на друга. Все трое там, «за речкой», были офицерами. Все трое сегодня – известные и уважаемые в своей (и не только в своей) стране люди. Более того, все трое – личности яркие, творческие, прекрасно владеющие словом и имеющие твердые убеждения. Не буду утверждать, что непосредственно Афган сделал их неординарными журналистами, писателями и поэтами, но то, что именно служба в далекой стране научила их сердца внимательно слушать и по-настоящему слышать – по-моему, факт непреложный.

В ЧИСЛЕ ПЕРВЫХ

Сегодня Григорий Васильевич Соколовский – первый заместитель председателя Белорусского союза журналистов, председатель Минской областной организации журналистов, председатель Минского областного отделения Союза писателей, лауреат многих конкурсов, специальной премии Президента Беларуси, премии Федерации профсоюзов, заслуженный деятель культуры Республики Беларусь. Он – последний редактор газеты Краснознаменного Белорусского военного округа «Во славу Родины» и первый редактор издания Министерства обороны Республики Беларусь «Белорусская военная газета». А еще у него за спиной 125 прыжков с парашютом. Ведь Григорий Соколовский – десантник, в звании капитана служил редактором дивизионной газеты в знаменитой 103-й Витебской гвардейской воздушно-десантной дивизии, которая первой вошла в Афганистан.

– Два полка полетели в Кабул, а мы – в Баграм, в 50 км от Кабула, – вспоминает Григорий Васильевич. – Обстановка внизу была абсолютно неясной. Нас настраивали на то, что, возможно, с ходу придется вступить в бой. Поэтому мы все были готовы к тому, что придется прыгать. Но когда первый самолет приземлился, стало понятно, что афганцы восприняли наше появление нормально – типа это им помощь идет. Мы за 30 минут разгрузились – технику выгнали, снаряжение вынесли. И самолеты улетели. А мы остались. В незнакомой далекой стране, где ничего пока не было понятно. Было это 26 декабря 1979 года...

Командиры получили приказ ждать сигнала. И 27 декабря в 17.00 кодовый сигнал «Гром» прозвучал. В Кабуле спецгруппы штурмовали дворец Амина. Десантники же быстро взяли под свой контроль все важнейшие точки Баграма: аэропорт, государственные учреждения, банки, склады.

А редакция получила команду маршем отправляться в Кабул. В ЗИЛе с крытым железным кузовом – кунгом,

где была оборудована передвижная типография, газетчики отправились в путь.

– Уже начинало темнеть, – продолжает Соколовский. – Справа скала, а слева – пропасть. Я с водителем в кабине. Вдруг из кунга стучат. Останавливаемся, выходит прапорщик: «Товарищ капитан, давайте мы все пешком пойдём, а водитель пусть один потихоньку едет. Если сорвется в пропасть, то только один погибнет». Пришлось объявить, что ехать мы будем все вместе. И падать, если придется, будем вместе. Но рядовой Михайлов справится с задачей, я ему верю. А потом – всех в кунг, а кунг на ключ. Сажусь в кабину, открыл окно и прикладом автомата меряю расстояние до скалы, чтобы не зацепиться. Так потихонечку мы километра два ползли. А как проехали этот узкий участок, я всех построил и объявил водителю благодарность – за отличную службу. В Кабуле редакцию разместили прямо на аэродроме. Только поставили палатки, Соколовского вызвал начальник политотдела дивизии полковник Станислав Тимошенко: «Товарищ капитан, приказ: первого числа должна выйти газета». Кстати, называлась она «Гвардейская доблесть».

– В Кабуле влажность очень высокая, – рассказывает Григорий Васильевич. – А в кунге у нас было чешское типографское оборудование. И оно капитально отсырело, печатать было невозможно. Но мы еще на зимних квартирах сделали специальные кассы для ручного набора. Достали их, поставили наборный станок – и давай набирать и печатать газету вручную. Мажешь краской, прикладываешь лист, прижимаешь – экземпляр готов. И так всю ночь до шести утра.

Кстати, до этого в Кабуле хоть и было прохладно, но без снега. А в эту ночь выпал снег. Красота-то какая! Я зашел в дежурку с кипой газет в руках: «Разрешите доложить, газета готова!» Я тогда впервые понял, что такое человек без информации. Как офицеры стали расхватывать нашу «Доблесть»! И тут же приказ – немедленно доставить газету в части. А мне разрешили идти отдыхать. Прихожу в палатку – пусто, нет никого. А под подушкой – немного водочки и сухарик. И записка: «Мы ушли проверять почты. Поздравляем с Новым годом!» Я вытирал, сухариком загрыз и лег спать. Вот так я встретил 1980 год.

А потом газетчик Соколовский столкнулся с цензурой. В какие-то мудрые головы пришла идея, что не только в Союзе, но и в Афганистане говорить открытым текстом о том, что происходит, нельзя. И военным журналистам в военной же газете, распространявшейся в дивизии, расквартированной в чужой стране, приходилось писать про «учения», «учебные бои», «условного пленного».

Григорий Васильевич до сих пор недоумевает:

– Цензор вычитывал все, и мы выкручивались как могли. Когда спустя время в Кабул прилетел корреспондент «Красной звезды», репортажи свои он тоже отправлял откуда-то «с учений». Уже пошли первые гробы, появились первые потери, а мы не могли писать о том, что это война, что это Афганистан. И только много позже нам разрешили сообщать о том, что происходит, в открытую. Офицерам, как рассказывает Соколовский, сначала даже не давали доплаты за службу за рубежом. Когда приехал генерал из финансового управления Вооруженных Сил и его спросили про доплату, тот очень удивился: «Мужики, вы ж на учениях. Какая доплата?» И только три месяца спустя выдали чеки. Капитану – 285, майору – 380. Григорий Васильевич до сих пор не понимает, почему была такая разница, ведь опасности всех подстерегали одинаковые. А еще с досадой вспоминает, как пытался в Москве с этими чеками зайти в знаменитый магазин «Березка» и от охраны получил от ворот поворот: оказывается, офицерские чеки были иного сорта, нежели «мидовские». Для «афганцев» был магазин попроще – «Каштан».

...В Кабуле стояли три полка Витебской дивизии. И сначала, по словам Соколовского, все было более или менее спокойно. Но американская пропаганда уже всю работала. И первый звоночек, которого наши тогда толком и не поняли, прозвучал накануне Дня Советской Армии.

Во Дворце культуры Кабула должно было состояться торжественное собрание. 22 февраля редактор дивизионки вместе с начальником политотдела поехали посмотреть, как подготовлено помещение.

– Едем по городу – как вымерло все, – говорит Григорий Соколовский. – Все дуكانы закрыты – это магазинчики афганские. Тогда мы не знали, что дуكانы как барометр: если закрыты – будет буря. На следующий день в городе с утра крики, вой. Идут толпы народа: убирайтесь, захватчики, вон отсюда! Подняли самолеты, они стали барражировать над городом. По радио передали: на заседании коалиционного совета комендантом Кабула назначен генерал Кадыр. А он учился в Рязанском училище. Значит, решили мы, порядок будет. Но именно после 23 февраля и появились первые банды. И первые боевые операции начались. В апреле, например, крупная операция была проведена в Панджшерском

ущелье. Те бои обернулись первыми большими потерями. И первыми героями. Два парня, наш земляк Николай Чепик и Александр Мироненко, независимо друг от друга совершили почти одинаковые подвиги: подорвали себя вместе с окружившими их бандитами, пытавшимися взять ребят живьем.

Григорий Соколовский встречался с Николаем Чепиком за сутки до его гибели:

– Я узнал, что на следующий день запланирован рейд, и приехал к командиру роты: про кого написать? Он говорит: лучший у меня – старший сержант Чепик. Напиши-те о нем. Нашел я этого парня. Выяснилось, что Николай тоже из Белоруссии – из-под Марьиной Горки. Предлагаю ему поговорить, а он мне: «Товарищ капитан, у меня сейчас совсем времени нет. Давайте договоримся: вернусь – и мы обязательно поговорим». Но из рейда он уже не вернулся... Потом я с его мамой встречался и рассказывал, как в первый и последний раз видел ее сына.

А в апреле пришел первый указ о награждениях. Секретный. И в числе ставших Героями Советского Союза – Николай Чепик, посмертно. Награды приехал вручать командующий ВДВ генерал-майор Сухоруков. Запомнился мне этот день. Я тогда написал такие строки:

«Первые награды. Водопады слов.

Как мы были рады блеску орденов!

Мы еще не знали, что нас завтра ждет.

Многих потеряли. Страшный, черный счет...»

В Афганистане нашим парням запрещалось фотографировать, вести дневники. Говорят, так же было и в годы Великой Отечественной. Мол, враг, захватив фотографии или записи, мог вычитать или увидеть там что-то жутко секретное. Григорию Соколовскому в этом отношении было чуть легче – на редактора дивизионной газеты контрразведка смотрела спокойнее. И он писал стихи, записывал какие-то мысли. Но большинство поэтических строк тех дней – совсем не о боях. Да и свободного времени у капитана Соколовского было не много – «Гвардейская доблесть» выходила три раза в неделю.

– Поначалу мы собирали информацию по донесениям, – рассказывает редактор. – Все командиры писали донесения, которые затем отправлялись в Москву. А мы имели возможность эти документы читать, поэтому хорошо знали, что и где случилось. Потом раненые появились – и мы стали регулярно ездить в госпиталь, расспрашивать ребят. А чуть позже наши корреспонденты стали и в рейды ходить.

Журналистика в экстремальных ситуациях многому учит. Наших заметок очень ждали. И каждый солдат, если о нем было написано хоть слово, пытался экземплярчик домой выслать – мол, жив, здоров, и вот про меня пишут.

Дивизионка набирала все большую популярность. В редакцию стали приходить офицеры с просьбой написать о том или ином бойце или событии. Площади газеты стало не хватать, и журналисты нашли выход: выпускали листовки, распространявшиеся по принципу «прочти и передай другому». В них были заметки о лучших бойцах и командирах. Для людей, по словам Григория Соколовского, это было мощнейшим моральным стимулом.

– Значимость печатного слова вообще в полной мере только на войне и поймешь, – замечает Григорий Васильевич. – Летел в Кабул наш парень, из Гродно. Среди вещей – томик Коласа «Новая земля». А таможенники очень строго досматривали весь груз. Увидели книгу и очень удивились – зачем? «Чтоб не расставаться с родной землей», – ответил офицер. Так его мама воспитала, школьная учительница.

Ручка и оружие у нас, военных журналистов, в Афганистане всегда были рядом. Бывало, командир приказывал: прикройте журналиста, пусть запишет фамилии. Автомат отложишь – и быстрее в блокнот строчить. Такие моменты не забудутся, наверно, никогда...

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Директор Института журналистики БГУ, доцент, кандидат филологических наук Сергей Валентинович Дубовик в Афганистан попал в декабре 1981 года и прослужил до декабря 1983-го: 2 года и 2 недели – от звонка до звонка. Примечательно, что он не был кадровым военным и не был призван на срочную службу.

– По линии военкомата мне предложили поехать в Афганистан ответственным секретарем дивизионной газеты, то есть поработать военным журналистом, – рассказывает Сергей Валентинович. – Ведь офицерское звание после военной кафедры у меня было. К тому времени я уже стал старшим лейтенантом. В общем, подумал – и согласился, решил попробовать себя на новом поприще. Собрали нас, офицеров-двухгодичников, в штабе Краснознаменного Белорусского военного округа, со словами напутствия выступил член Военного совета – начальник политуправления КБВО генерал-полковник Александр Дебальюк. А уже через неделю мы были в Ташкенте на пересельном пункте.

Пару дней ожидания – и в самолет. Так что впервые Афганистан Сергей Дубовик увидел из иллюминатора.

– Вся земля – насколько хватает взгляда – серая. И бесконечные горы – повыше, пониже, – те первые впечатления живы у него до сих пор. – Все это угнетающе действовало на психику. Плюс нервное напряжение – мы ведь летим над страной, в которой идет война. А закроешь глаза, слушаешься в мерный гул самолета – и ничего страшного вроде не происходит. В общем, через два с небольшим часа полета мы уже садились на аэродроме Кабула. Во дворце Амина, в штабе знаменитой 40-й Общевойсковой армии, начальник армейского управления кадров беседовал с каждым из вновь прибывших офицеров. И здесь Сергея Валентиновича поджидал сюрприз. Как это часто бывает, планы и реальность несколько отличаются друг от друга, и должности в дивизионной газете в то время не оказались. Так что молодому офицеру было предложено стать замполитом отдельной саперной роты армейского подчинения. Выбора у вчерашнего гражданского парня особенно и не было.

Рота, в которую попал Сергей Дубовик, стояла в Кундузе, в северном Афганистане. Главная задача – сделать всё возможное, чтобы колонны автотранспорта проходили по дорогам без задержек. Везли всё – продовольствие, уголь, вооружение, боеприпасы... Ведь способов снабжения армии из СССР было всего два: или по воздуху, или автотранспортом через горы.

Командиром саперной роты оказался земляк – капитан Вячеслав Маркуцевич был родом из Ивье. Человек под два метра ростом, большой весельчак и жизнелюб. В свое время он учился в Минске, окончил Белорусский политехнический институт и пошел офицером-двухгодичником в армию. Служил под Москвой, в Кантемировской дивизии. Через два «обязательных» года остался в кадрах и вскоре попал в Афганистан командиром отдельной саперной роты. С ним Сергей Дубовик прослужил около семи месяцев. А потом ротный с группой солдат попал в засаду – и в завязавшемся бою погиб...

– По возрасту в роте я был самый старший – 29 лет, – рассказывает Сергей Валентинович. – Все взводные гораздо моложе, вчерашние пацаны после училищ. В общем, начальник саперной службы армии исполнять обязанности командира роты назначил меня.

В должности командира саперной роты Сергей Дубовик и получил свой боевой орден «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени – за бой возле кишлака Сардоба.

– Это караван-сарай среди гор, через который еще в давние времена проходили верблюжьи тропы, – вспоминает бывший сапер. – Недалеко город Мазари-Шариф, в котором находится вторая по значимости в мусульманском мире мечеть. Поэтому паломники, направлявшиеся

к святыне, испокон веков в этом караван-сараяе на ночлег останавливались. Там наша рота и расположилась.

Задача у нас была предельно четкая – мы ответственны за состояние примерно ста километров дороги. Каждую ночь в три часа подъем, садимся на бэтээры, берем собак, щупы – и вперед. Если находили мины – как правило, итальянские, – должны были их ликвидировать. Если обнаруживали, что разрушен мост, – отремонтировать. Короче, наша рота обязана была обеспечить беспрепятственное прохождение колонн по направлению Пули-Хумри – Кундуз.

В один из таких выездов группа, которой командовал старший лейтенант Дубовик, попала в засаду. За ночь «духи» сожгли небольшой деревянный мост, по которому проходила дорога, и как только бойцы приступили к его ремонту, началась стрельба. Небольшому отряду саперов около двух часов, пока не подоспела подмога, пришлось вести неравный бой с бандой, подстроившей для «шурави» эту западню.

– Я стрелял из автомата до тех пор, пока не кончились патроны, – Сергей Валентинович вспоминает этот день с неохотой. Он вообще не слишком любит рассказывать о том, что ему пришлось пережить. – Было нелегко. В бэтээре, как всегда не вовремя, заклинил ДШК – крупнокалиберный пулемет. В общем, пришлось отстреливаться из автоматов. Был у нас еще станковый пулемет. Но и он вскоре замолчал – солдат-пулеметчик погиб. Так я оказался за пулеметом. Стрелял...

Стрелял... В тишине минского кабинета это слово звучит так буднично... Как оказалось, стрелял ротный очень успешно. В наградном листе было написано, что в том бою старший лейтенант Дубовик Сергей Валентинович уничтожил около десятка душманов.

За время войны в Афганистане в боевых действиях приняли участие более 32 тыс. белорусов. Из них, по последним данным, 789 человек погибли, более 1500 получили ранения, контузии и увечья, около 800 воинов вернулись инвалидами. 12 человек до сих пор числятся пропавшими без вести.

Орденами и медалями за подвиги на афганской земле награждены около 2300 граждан нашей страны. Семеро стали Героями Советского Союза. Николай Чепик и Александр Мельников – посмертно. По данным на 1 января 2009 года, в Беларуси проживало 24 тыс. 825 ветеранов боевых действий на территории других государств. Абсолютное большинство из них – «афганцы».

Общие потери СССР в афганской войне составили 14 тыс. 453 человека. Из них в рядах Вооруженных Сил погибли 13 тыс. 833 человека, в подразделениях КГБ – 572 воина, МВД – 28 бойцов. Без вести пропали 417 человек.

Много позже ему рассказали, что вначале наградной лист был оформлен на более высокую награду. Но в связи с тем, что у его непосредственного начальника такой не было, благодарность Родины решили немного уменьшить. К этому факту бывший «афганец» относится вполне философски:

– *Что тут удивительного? И во время Великой Отечественной войны часто награждение зависело не от того, какой был бой и что сделал человек, а от взгляда начальства на все происходившее.*

После того боя Сергей Дубовик написал письмо в Главное политуправление Вооруженных Сил с просьбой все-таки определить его на журналистскую работу, поскольку именно с этой целью он ехал в Афганистан. И вскоре из штаба 40-й армии пришел приказ о переводе его на должность ответственного секретаря газеты 201-й мотострелковой дивизии, зоной ответственности которой были северные провинции Афганистана, а штаб находился в Кундузе. Так что вторую часть своей афганской службы он провел уже в качестве военного корреспондента.

– *Примерно так работали при дивизиях и армиях газеты во время Великой Отечественной,* – рассказывает Сергей Дубовик. – *Кунг с оборудованием на базе ЗИЛа, около десятка солдат – наборщиков и печатников. Наша задача – раз в неделю выпускать газету. Коллектив небольшой, поэтому мне приходилось не только верстать ее, но и писать заметки, репортажи. Рядом стоял 49-й мотострелковый полк, и с его бойцами я часто ходил на боевые операции – чтобы написать толковый материал. Но эта работа мне нравилась – было интересно. Настоящее творчество.*

Так за два года службы в Афганистане старший лейтенант Дубовик успел и ротой покомандовать, и журналистского хлеба попробовать. И сегодня ни о чем не жалеет:

– *Кому на войне достается больше всего? Рядовому, конечно. А еще – командиру взвода, командиру роты и командиру батальона. Именно эти люди отвечают за каждого солдата. У нас в роте, например, было 120 человек. За год, что я там прослужил, только около 15 человек было ранено и десять убито.*

Сергей Дубовик уверяет, что адаптироваться к экстремальной ситуации, какой является для каждого из нас война, не так сложно. Если на первых порах человек, ожидая подвоха, настороженно осматривается и при-

слушивается к каждому шороху, то со временем привыкает ко всему:

– *И тормоза снимаются, все становятся смелее. Достаточно сказать, что поначалу мы ездили за водой в Мазари-Шариф за 70 километров целой колонной – бэтээр впереди, бэтээр сзади, посредине водовозка. Но прошло несколько месяцев, и от бэтээров мы отказались. Садились офицер с солдатом в кабину цистерны – и ехали за водой.*

Со временем, говорит Сергей Дубовик, «мы просто поумнели» – «шурави» стали договариваться с авторитетными людьми округи. Это был своеобразный бартер: мол, мы вас не обидим, и даже содействие какое-то при случае окажем, и вы нас не трогайте. И такие договоренности оказывались вполне действенными.

С ностальгией вспоминая те времена, Сергей Валентинович очень тепло говорит о солдатах:

– *У нас в саперной роте были почему-то в основном кавказцы – люди из Дагестана, Чечни. А потом пришло молдое пополнение – 15 солдат из Беларуси. Как они обрадовались, что и командир роты, и замполит – земляки! Прошло много лет, а я до сих пор общаюсь с ребятами, которые служили со мной. Что интересно, все они сегодня... лесники! Когда пришли в армию, им было всего по 18. Вокруг горы. Война. Тяжелейшие условия – вши, желтуха, грязь. И самая большая мечта у каждого – вернуться домой, на родную землю. Наверное, есть великий символ в том, что дальнейшую свою жизнь, после Афгана, эти ребята связали с белорусским лесом.*

40-я армия – это тысячи самых разных людей. И среди этой массы всегда выделялись те, у кого был стержень. Настоящие мужчины, которые искали выход из любого сложного положения, не жалуясь на трудности, и старались оставаться людьми. Были и такие, что ломались.

– *Некоторых солдат приходилось заставлять стирать свое хабэ, менять постель, мыть котелки,* – рассказывает бывший командир роты. – *Нужно было нажимать, ведь это коллектив. Если один завшивел – моментально вся палатка заболевает. Наши парни, белорусы, в этой ситуации показывали себя с самой лучшей стороны. Это люди, которые умеют всё: наколоть дрова, постирать, класть кирпич. Всё могут! И отношение к ним было соответствующее: белорус – знак качества. Не подведут. Достаточно сказать, что каждый командир старался брать водителем бэтээра или машины белоруса. Этот не бросит. И я всегда гордился тем, что представители нашей нации и во время Великой Отечественной, и в Афгане показывали себя настоящими людьми. Потому к белорусам и отношение такое хорошее во все времена и у всех народов было.*

Сергей Дубовик не любит, когда сегодня, с высоты нынешнего времени, кто-то начинает рассуждать о том, нужен был нам Афганистан или нет:

– *Зачем мы туда влезли? Но ведь Америка нынче тоже там! Просто каждое государство имеет свои интересы и пытается их реализовать. Мы даже не раздумывали – зачем мы туда едем? Если Родине надо, мы это делали. И понимали, что если бы Союз не ввел войска, вошли бы американцы. А рядышком – наша южная граница. Чувство патриотизма в те годы у основной массы наших людей не было абстракцией. Мы получили приказ – и мы его выполнили. Просто у каждого мужчины в жизни бывают моменты, которые определяют, чего он стоит...*

КАК В КАБУЛЕ АДРЕСА ПОЯВИЛИСЬ

Писатель Николай Чергинец был хорошо известен в Советском Союзе. Его детективами зачитывалась страна, по его книгам сняты фильмы. Что, впрочем, не удивительно – пройдя путь от рядового сотрудника до начальника управления уголовного розыска МВД Беларуси, автор накопил немало уникального материала. А в последние годы председатель Союза писателей Беларуси, кандидат юридических наук Николай Иванович Чергинец был парламентарием, и активная позиция по многим проблемам сделала его одним из самых известных «ньюсмейкеров» страны. Тот факт, что с 1984 по 1987 год Николай Чергинец служил в Афганистане, наверное, менее известен. Хотя внимательный читатель понимал: у автора романа «Тайна Черных Гор» слишком хорошее знание реалий того, что происходило «за речкой».

Сегодня на парадном мундире Николая Чергинца – 8 орденов и 30 медалей разных стран. Что же делал начальник республиканского угрозыска в воюющей стране? – *В Москве на меня положили глаз еще в 1982-м, – рассказывает Николай Иванович. – Вызвали, прошел медкомиссию. Сказали: «Поедешь в Афганистан». Предложение я воспринял с чувством гордости и ответственности – как проявление доверия со стороны государства. Потом было еще несколько проверок, комиссий, инстанций... В общем, в представительство МВД СССР в Афганистане я прибыл в 1984 году.*

Глава представительства генерал Аникеев, учитывая опыт белорусского офицера, предложил Николаю Чергинцу возглавить советнический аппарат Кабула. С за-

дачей внедрить все, что только можно в военных условиях, на пользу порядку и безопасности.

В первую очередь стояла задача организации боевых частей Царандоя – афганских внутренних войск. Они были довольно эффективной структурой вооруженных сил Афганистана. Ведь в Царандой или ХАД (афганская контрразведка) брали в основном людей, потерпевших от душманов, наиболее преданных власти и заинтересованных в том, чтобы демократическая афганская власть крепла.

Необходимо было развернуть решительную борьбу с контрреволюцией.

– *Контрреволюция в огромном двухмиллионном городе – это постоянные взрывы, нападения, расстрелы, минирование объектов, которые творили душманы, – говорит Николай Иванович. – Кабул нужно было обезопасить. И нами были приняты все возможные меры. Мне удалось установить хороший контакт с представителями КГБ, особенно с руководством 40-й армии. Ею командовал Леонид Генералов, его замом был Виктор Дубынин. Позже теплые отношения у нас сложились со следующим командующим – Игорем Родионовым и с начальником штаба армии Анатолием Сергеевым. А особенно тесно мы сотрудничали с командованием 103-й Витебской воздушно-десантной дивизии – с Юрием Ярыгиным, со сменившим его Павлом Грачевым, а затем и с Евгением Бочаровым, который впоследствии стал командующим погранвойсками Беларуси. Я называю всех, с кем мы совместно планировали операции, боевые действия.*

Николай Иванович признался, что иногда испытывает страшную обиду, когда кто-то ставит под сомнение уровень сотрудничества, которое было налажено тогда в Кабуле между представителями разных силовых структур. Нет-нет да и раздаются голоса: какое, мол, общее дело могло быть у мента с командованием 40-й армии? Чергинец в ответ рассказал характерный эпизод, который имел место во время визита в Кабул министра иностранных дел СССР Эдуарда Шеварднадзе и секретаря ЦК Анатолия Добрынина. Замминистра внутренних дел Союза, который сопровождал гостей, попросил Чергинца организовать для них прогулку по Кабулу – показать, чем и как живет город. Это было неслыханной дерзостью:

– *Я попросил у Грачева батальон для обеспечения безопасности. Сам выделил полк «зеленых», как мы называли афганцев, и они окружили центр города – скопление дуканов. Они интересны не только тем, что там можно купить зачастую раритетные, по-настоящему уникальные вещи. Дуканы – это вся жизнь Кабула. И вот мы с представителями ЦК идем, они что-то на память приобретают. Вдруг по радиостанции меня запрашивает Игорь Родионов: надо увидеться. Через некоторое*

Командир 103-й Витебской гвардейской воздушно-десантной дивизии Павел Грачев и Николай Чергинец на командном пункте

время подъезжают два бэтэра, а между ними джит, из которого вылезает Родионов и подходит ко мне: «Николай Иванович, хочу провести операцию. Есть информация, что зашла большая банда, хотят ударить по Кабулу. Какие у вас сведения?» Я говорю: «Как они могли пройти? Тут заминировано, здесь болота – с техникой идти опасно». «Может, десант бросить?» – спрашивает командующий. «Нет, я дам афганцев, не надо наших. Пусть воюют за свою революцию». В общем, посмотрели, две подсти на карте поставили, и Игорь Николаевич уехал. Гостей он, видимо, даже не узнал. Замминистра спрашивает меня: «А кто это был?» Отвечаю, что Игорь Родионов, командующий 40-й армией. «И что, у вас такой тесный контакт?» Да, говорю, всегда решаем вопросы вместе. Родионов был очень демократичный и легкий на подъем генерал, часто и в штаб Царандоя приезжал... В общем, после этого эпизода в Москве в уровне нашего сотрудничества с армией больше не сомневались.

К 1985 году ответственность, которая легла на Николая Чергинца, возросла – должность старшего советника по линии МВД города Кабула переросла в должность старшего советника зоны «Кабул», а затем и зоны «Центр» со всеми провинциями вокруг столицы. Как раз в это время велась тщательная разработка плана обороны города. Вместе с начальником генштаба афганской армии Шахнавазом Танаем Николай Иванович облазил все высоты вокруг Кабула. Было решено, что в окопах и блиндажах на подступах к городу линию обороны будет держать Царандой. На местности определились, где в специальных укрытиях установить танки, бэтэры и БМП. Советская армия тем временем укрепляла позиции на господствующих высотах, что позволяло эффективно поддерживать Царандой огнем. В случае необходимости применялись атаки спецназа, десантно-штурмовых групп и подразделений 103-й дивизии. Постепенно

сложилась система обороны города, которая затем была нанесена на карту. Внизу стояли подписи Чергинца и военного советника генерал-полковника Дмитрия Шкруднева. А утверждалась эта карта послом СССР в ДРА, командующим 40-й армией, главным военным советником, руководителями представительства МВД, КГБ и президентом Афганистана Наджибуллой.

– Кабул находится на высоте 2 тысяч метров над уровнем моря, но вокруг него – горы, – продолжает рассказ Николай Чергинец. – Получается, что город лежит на дне своеобразного котла. С окружающих высот душманам очень удобно вести огонь по самолетам. Поэтому садиться необходимо было максимально резко. Когда сам впервые слетал по глиссаде на ИЛ-76, убедился – условия очень жесткие. Самолет буквально пикировал на аэродром, но другого выхода не было.

Был введен комендантский час, на время которого любое передвижение без пропуска было запрещено. Организовали постоянное патрулирование. В центре – пешее, на окраинах – на машинах. На кабину «ГАЗ-66» ставился пулемет, а под тентом, в кузове, вдоль бортов сидели солдаты.

И тут выяснилось, что традиционный советский способ перевозки военнослужащих абсолютно не подходит в Афганистане. Солдаты, сидящие спиной к обочине, становились легкой мишенью для нападавших на патрули душманов. По ним вели огонь, а ребята не могли даже толком ответить.

– И тогда мы изменили тактику, – с видимым удовольствием рассказывает Николай Иванович. – За несколько суток мы переоборудовали более 50 машин. Тенты на бортах были убраны, оставляли только сверху, и то в дождь. Скамейки от бортов переставили в центр кузова – так, чтобы патрульные сидели спинами друг к другу, а лицом к противнику. На дно кузова положили мешки с песком против мин и мешки вдоль бортов. В случае нападения патрульные тут же падали на дно кузова и открывали огонь из укрытия. Таким образом за несколько дней было уничтожено 6 или 7 засад – и обстановка на окраинах резко поменялась. На патрули просто перестали нападать! Это была одна из первых наших побед в деле обеспечения безопасности Кабула.

Вскоре участились случаи ночных нападений на окопы Царандоя. Душманы приближались, снимали часового, а потом вырезали сонных бойцов или забрасывали блиндажи гранатами. Потери были ощутимыми, но главное – они деморализовали личный состав афганских подразделений. А в темноте и советские войска с господствующих высот помочь не могли – не будешь же бить наугад! Поэтому единственным способом борьбы с ночными нападениями стало минирование подходов к городу.

– С помощью командования 40-й армии мы выписали из Москвы проволочные заграждения – «колючку» и мало-заметные препятствия, так называемые кольца Бруно, – продолжает рассказ бывший советник МВД. – Я решил применить опыт Второй мировой и приказал банки консервные не выбрасывать, а вешать на проволоку. Пристреляли зоны обстрела всех пулеметов – чтобы ночью огневая точка могла вести огонь по врагу практически вслепую. А подходы заминировали. Там, где шли отары, – поставили мины сигнальные. И эти меры плюс жесткое наведение порядка внутри города, а также активная агентурная работа позволили укрепить безопасность. В 1984 году Кабул обстреливался минометами, пулеметами и артсистемами 119 раз, а в 1985 – только 12!

В общем, вскоре в городе, подступы к которому охранялись тремя рубежами обороны, люди стали себя чувствовать в относительной, насколько это возможно на войне, безопасности. Гораздо сложнее, как вспоминает Николай Чергинец, шло создание национальных афганских вооруженных формирований:

– Мы пытались передать афганцам свои традиции – в армию подлежат призыву все военнообязанные. И сталкивались иногда с тем, что разбежались целые части. А как иначе могло быть, если человек показывает справку, что уже отслужил, а бешеный командир рвет этот документ и ставит беднягу в строй? Разве он мог служить добросовестно? Или еще хуже ситуация: у человека дома восемь детей, жена больная, а его забирают в армию, поставив тем самым его семью на грань вымирания. Семейные обстоятельства зачастую не учитывались, когда сверху доводились цифры набора. И таких случаев было множество. И эти действия афганских властей, естественно, вызвали противодействие. Некоторые дезертиры не в семьи уходили, а прямо в банды, чтобы воевать с новой властью, – от обиды... Но очень многие верно служили идеалам создания демократического Афганистана. И сегодня и в Минске, и в Москве проживает множество афганцев, которых я хорошо знал еще в Кабуле.

С афганцами, уверяет Николай Чергинец, выстраивать отношения было далеко не просто, но крайне интересно. Они – очень тонкие психологи, и зачастую внимание обращали на мелочи, которые нам показались бы абсолютной незначительными. Например, Николая Ивановича его афганские коллеги из Царандоя особенно заужали, когда в одном из боев он лично положил из автомата троих «духов»:

– А у меня автомат хороший был, немецкий, со складным прикладом – очень удобно с ним на броне было сидеть. В общем, после того случая у афганцев слава пошла обо мне, как о самом метком стрелке. А раз меткий – значит, самый смелый, сильный, главный... Они видели, что

на боевые я ходил вместе с ними. Иначе мне нельзя было. Из Москвы приказали – советникам в рейды не ходить, в операциях не участвовать. Но когда увидели, что во имя безопасности советских людей в Кабуле все у нас получается неплохо, то глаза на этот запрет закрыли.

А еще Чергинец гордится, что благодаря его инициативе в тысячелетней истории древнего города появился новый штрих – адреса. Кабул был единственной столицей в мире, которая не имела этой приметы цивилизации. Если кто-то кому-то отправлял письмо, конверт подписывали так: Кабул, мечеть такая-то, Абдулле такому-то. По предложению Николая Ивановича город был разбит на 11 районов, районы – на кварталы, кварталы – на улицы, а на улицах были пронумерованы дома. Афганцам, по его словам, не слишком понравилось, что улицы были пронумерованы – они хотели каждой присвоить имя. Но Чергинец, понимая, на сколько может растянуться эта топонимика, сумел убедить в своей правоте и Наджибуллу, и секретаря горкома партии Джафура: мол, появятся у вас герои – назвать их именами улицы успеете. А пока давайте хоть цифрами их обозначим.

В Кабуле в те годы, кроме военных, работало немало советских людей абсолютно мирных профессий – врачи, преподаватели, инженеры... Много советских специалистов обслуживало кабульский аэродром, сотни человек трудились на домостроительном комбинате.

– Среди наших в городе установились необычайно добрые отношения, – с теплотой вспоминает Николай Иванович. – Это был удивительный микроклимат единства, доверия, уважения и поддержки. Едет, к примеру, по Кабулу женщина за рулем «Нивы», преподаватель политехнического института. Редко наши женщины отваживались ездить в одиночку, но все же такие случаи бывали. До комендантского часа остается мало времени. И замечает, что наш солдатик-водитель копается в моторе сломавшейся машины. Женщина остановилась и ждала, пока тот не завел свой грузовик. А если бы ему не удалось отремонтироваться, она помогла бы ему добраться до своих.

Мы понимали, что все вместе делаем общее дело. То, что нужно Родине, то, чего она от нас ждет. И каждый с честью нес свой крест... ■

Памятник воинам-«афганцам» на Острове мужества и скорби в Минске